

тен весь комплекс причин или их большая часть, напротив, в других районах будет срабатывать лишь один из этих признаков. Тем не менее, на наш взгляд, все названные факторы имеют право на существование и могут рассматриваться как возможные при выявлении особенностей дистрибуции коллективных прозвищ на территории Русского Севера.

В.И. Супрун

АНТРОПОНИМЫ В ВОКАТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

В нашем языкознании принято называть выделенную в аксиоматической функциональной триаде К. Бюллера (1879–1962) функцию обращения апеллятивной¹, что не вполне удобно, так как происходит омонимизация с прилагательным от термина *апеллятив* ‘имя нарицательное в противоположность имени собственному’². Видимо, русский термин возник под влиянием английского *appellative function of language*³. Сам К. Бюллер называл эту функцию *Appellfunktion*⁴, в чешской лингвистике этот термин перевели как *apelová funkce*⁵.

Вероятно, более точным русским соответствием этим терминам будет апелляционная, или апеллирующая, функция. Ср.: *апелляция* <...> 2. Обращение за поддержкой, советом и т.п.; *апеллировать* <...> 2. Обратиться (обращаться) за поддержкой, советом и т.п. [СРЯ, 1, 41] Правда, СРЯ прилагательное *апелляционный* ограничивает употреблением только в юридическом значении, однако это можно объяснить ориентацией словаря на общеупотребительную лексику, отсутствием потенциальных (окказиональных) контекстов. Отметим, однако, что и в немецкой лингвистике иногда встречается терминосочетание *appellative Funktion*⁶. М.В. Сафронова назвала эту функцию К. Бюллера *обращающейся* [http://ooipkro.nm.ru/Text/t37_237.htm].

Р.О. Якобсон выделял в языке фатическую (контактоустанавливающую) функцию⁷, которая сопредельна с референтивной (коммуникативной, денотативной, когнитивной). Контактоустанавливающими средствами выступают во всех языках вербальные единицы (включая нулевые) и паралингвистические (соматические) проявления, реализуемые различными действиями индивида (адресанта) с целью привлечения внимания собеседника (адресата)⁸.

Среди контактоустанавливающих вербальных единиц значительное место занимают антропонимы. Их функционирование в разных языках определяется интралингвистическими закономерностями и экстралингвистическими факторами. В целом антропонимия является ядерным разрядом в ономастическом поле любого языка, что можно опре-

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 564.

² См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 37.

³ См.: Баранов А.Н. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. I. М., 1996. С. 38.

⁴ См.: Metzler Lexikon Sprache / Hrgb. v. H. Glück. Stuttgart; Weimar, 1993. S.79.

⁵ См.: Akademický slovník cizích slov / Kol. autorů pod ved. V. Petráčekové a J. Krause. Praha, 1998. S. 63.

⁶ Metzler Lexikon Sprache. S.683.

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 565.

⁸ Ван Цзиньлин. Обращения в типологически различающихся языках. Чанчунь, 2000. С. 26.

делить как языковую универсалию. Фреквенталией является способность антропонимов образовывать от полного имени гипокористическую форму, которая используется преимущественно в коммуникативных целях. Гипокористика отражает звуковую природу языка, указывая, возможно, на древние характеристики вокативных формул. Так, для русского языка характерна двуслоговая модель (около 80% всех форм) с ударением на предпоследнем слоге (98,4%)¹.

К внутриязыковым особенностям употребления имён собственных при обращении относится наличие/отсутствие в языке специальной вокативной формы. Хотя традиционно эта форма именуется падежом, вероятно, точнее будет трактовать её как явление, стоящее вне падежной системы. Основное назначение падежа – выражать синтаксические отношения слова к другим словам высказывания, тогда как обращение стоит за пределами предложения. Справедливо подчёркивается семантическая и синтаксическая изолированность вокатива от остальных членов падежной системы². С другой стороны, термин *вокатив* подчёркивает эту обособленность позиции слова, её отличие от падежных форм, поэтому он более точен, чем терминосочетание *именительный обращения* или *Anredenominativ*³. В.И. Карасик возводит вокативы в ранг языковой универсалии, отмечая при этом, что они «специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение»⁴.

В языках с морфологически оформленным вокативом употребление формы в качестве единицы особого предназначения воспринимается более отчётливо. Вероятно, морфологическое воплощение вокативности является палеоязыковой универсалией, которая по мере развития языка имеет тенденцию к утрате. Немецкий учёный Г. Курциус предполагал, что вокатив в индоевропейском языке был равен неформальной именной основе и ему противостоял падеж с суффиксом *-m-*, однако русский исследователь А.В. Попов в конце XIX в. убедительно доказал, что чистая основа (позднее её называли *casus indefinitus*) предшествовала как падежам на **-m*, **-s*, так и вокативу⁵.

Формы, восходящие к праславянскому вокативу, сохранились в чешском, польском, сербском, хорватском, болгарском, македонском, украинском, отчасти белорусском языках, в то время как русский утратил их. Этот процесс, начавшийся ещё в XI в., только к XVII в. окончательно привёл к замещению русских звательных форм формами именительного падежа⁶. Имеются звательные формы в румынском (*domine, domnule*), грузинском (*батано*) и других языках.

В русском языке потребность в отделении вокатива от номинатива и фонетические особенности обращения привели к появлению усечённых разговорных форм обращения у слов 1-го склонения (*мам, пап*)⁷. В диалектной речи используются также для обращения формы с наращением *доча, сына*, что тоже можно рассматривать как проявление тенденции разведения двух падежей. В последнем вокативе отмечается даже изменение рода, вероятно, обусловленное флексией: *Моя сына, ты верно гутаришь, было.* (Екимов Б. Подарок // Волгоградская правда. 2001. 28 апр. С. 4). Как застывшие формы используются вокативы некоторых слов (*Боже, Господи, владыко, старче, сынку*), обычно восходящие к прецедентным

¹ См. подробнее: Супрун В.И. Имена и именины. Волгоград, 1997. С. 139–140.

² См.: Булыгина Т.В., Крылов С.А. Падеж // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 356.

³ Metzler Lexikon Sprache. S. 683.

⁴ Карасик В.И. Язык социального статуса / Ин-т языкозн. РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т М., 1992. С. 196.

⁵ Крысько В.Б. История индоевропейского аккузатива в «Синтаксических исследованиях» А.В. Попова // Вопр. языкознания. 1990, №4. С. 120.

⁶ См.: Филли Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. С. 386–387.

⁷ См.: Грамматика русского языка. Т. 2: Синтаксис. Ч. 2. М., 1954. С. 127.

текстам. Достаточно регулярно происходит гиперкорректное употребление звательной формы слова *владыка* в качестве номинатива: *владыко сказал*.

К экстралингвистическим факторам вокативного употребления антропонимов относятся этнокультурно-исторические традиции, обуславливающие выбор форм обращения. Европейская коммуникация строго разграничивает официальную и неофициальную сферы общения, распределяя между ними личные и фамильные имена. В официальном обращении в качестве вокативной единицы используется апеллятивно-антропонимическая формула нем. *Herr Hengst, Frau Jahn*, англ. *mister Smith, missis Smith*, франц. *monsier Durand, madame Bovary*, чеш. *pane Nováku, paní Novaková* и т.д. Личные имена, их гипокористические и оценочные формы употребляются при неофициальном общении: англ. *Robert, Bob*, нем. *Johann, Hans*, чеш. *Josefe, Pepíku* и т.п.. В последнее время в Европе начинает распространяться американская модель обращения к коллеге гипокористической формой имени, которая приводит к нулевому вокативу, к ситуации, прекрасно описанной В.И. Карасиком: если у собеседников большая разница в возрасте, то старший обращается к младшему коллеге по имени, а младший вынужден отказываться от использования обращения, так как обратиться по имени некорректно, учитывая разницу в возрасте, а использование социального вокатива или апеллятивно-антропонимической формулы может быть истолковано как отрицательное отношение к собеседнику¹.

Наличие национально окрашенной вокативной модели *имя + отчество* в русском языке стало причиной низкой частоты употребления формулы *господин + фамилия* при обращении², которая в некоторых социальных группах вызывает эффект отчуждения или даже (как результат социального расслоения общества и сохранения идей коммунистического равенства) имеет пейоративный оттенок³.

Модель *товарищ + фамилия* оценивается отрицательно другими социальными группами, воспринимается в обществе как политически окрашенное обращение, свидетельствующее о принадлежности адресанта к коммунистической партии. С другой стороны, отсутствие устойчивого употребления нейтральных статусных обращений приводит к тому, что в русском узусе не закрепляется предлагаемый многими писателями, журналистами, филологами вокатив *сударь/сударыня*, который не может преодолеть сопротивления коммуникантов и вытеснить стремительно набравшее частотность обращение *мужчина/женщина*, уходящий вокатив *молодой человек/девушка* (его сокращение в употреблении вызвано постоянным несоответствием обращения возрасту адресата, что было многократно осмеяно в юмористических произведениях) и официальное (судебное) обращение *гражданин/гражданка/граждане*.

Функционирование русской вежливой модели *имя + отчество* приводит также к тому, что в ситуации, когда адресант не знает или забыл эти антропонимические единицы, он вынужден прибегать к нулевому вокативу, поскольку любое иное обращение может быть воспринято как ирония или недоброжелательность (*госпожа Иванова, господин ректор*). Как выход из сложившегося положения узус определил этикетную форму «*Простите, я забыл Ваше имя и отчество*».

Выражая уважительность, являясь нормативной этикетной формой, обращение, состоящее из имени и отчества, нарушает фонетические закономерности вокативных

¹ См.: Карасик В.И. Язык социального статуса. С. 206

² См.: Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000. С. 67.

³ См.: Кронгауз М.А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 130–131.

структур, поэтому оно подвергается преобразованиям, чаще всего синкопированию: *Пал Палыч, Марь Иванна, Дарь Николавна*, но оно может также сопровождаться аферезисом: *Сан Саныч*. Эти формы могут использоваться и в номинативе, однако их возникновение следует отнести к вокативу. Писатели XIX в. использовали в своих произведениях в основном синкопированные формы отчеств (*Иван Евсеич* и *Яков Васильч* в «Лошадиной фамилии» А.П. Чехова и мн. др.).

Общераспространенной моделью вокатива при общении детей и лиц младшего возраста при обращении к взрослым родственникам является формула *дядя/тётя, бабушка (баба)/дедушка (деда) + гипокористический антропоним*. В некоторых случаях это обращение может быть адресовано друзьям семьи, хорошим знакомым. При невокативном использовании в отсутствие носителя имени словосочетание может приобрести ироническую или негативную коннотацию: *Опять баба Маша всем двойки вlepила*. В данном случае апеллятивно-антропонимический комплекс сближается по своим характеристикам с «заглазным» прозвищем.

Обращение по одиночному имени в русском узусе указывает на равенство социальных ролей коммуникантов, равный возраст и довольно высокую степень близости отношений. При этом полная форма имени может свидетельствовать о серьезности разговора, натянутости отношений, придаёт коммуникации официальность. Гипокористическая и деминутивно-мелиоративные вокативные формы антропонима выбираются в дружеской среде, а также при обращении старшего к младшему. Существуют личные и семейные предпочтения в выборе деривата: *Маша, но не Маня, Дима, но не Митя, Саша, но не Шура, Мила, но не Люда, Люда, но не Люся, Виталий, но не Виталя* и пр. Употребление краткого или ласкательного имени по отношению к старшему или малознакомому человеку чаще всего придаёт вокативу отрицательную коннотацию.

Широкую палитру оценочности (от положительной и ласкательной до насмешливой и негативной) несут в себе антропонимические комплексы из гипокористического антропонима и отчества. Разумеется, при общении чаще реализуются позитивные оттенки коннотации. Существуют гендерные предпочтения: женщинам подобные вокативы адресуются значительно чаще, чем мужчинам: *Ниночка Петровна, Даша Николаевна, Аллочка Сергеевна* и др. Впрочем, гипокористические и позитивные оценочные дериваты в целом более употребительны при коммуникации женщин.

В диалектной и просторечной русской речевой среде используется обращение по изолированному отчеству, что также является национально окрашенным вокативом, хотя и прослеживаются определённые параллели с восточными именованиями лиц и обращениями к ним; мы знаем многих арабских учёных и писателей только по отчествам: *Ибн Сина (Авиценна), Ибн Рушд (Аверроэс), Ибн Фадлан* и мн. др.¹

Возможно, на изолированное использование отчества в качестве вокатива оказали влияние фонетические закономерности модели обращения, при этом – в отличие от гипокористики – отмечается тенденция к употреблению трёхслогового антропонима: *Иваныч, Петрович, Василич, Андревна, Васильна*. Н.В. Подольская называет использование изолированного отчества эллиптированием (не связывая его с вокативом)².

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1983. С. 471.

² См.: Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопр. языкознания. 1990. №3. С. 49.

Диалектная речь также характеризуется вокативным использованием андронимов – именованій жены по имени или прозвищу мужа¹. Для последнего времени более характерно возникновение андронимов на базе фамилии супруга: *Супруниха*, *Гаврилючка*.

В арготической, жаргонной, сленговой речи регулярно используются при обращении прозвища. При этом в качестве вокативов выступают только принимаемые адресатом антропонимы, а «заглазные» прозвища употребляются в аффектированной речи наряду с другими пейоративами. Употребление в качестве обращения псевдонимов мало отличается от аналогичного использования фамилий.

¹ См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 29.